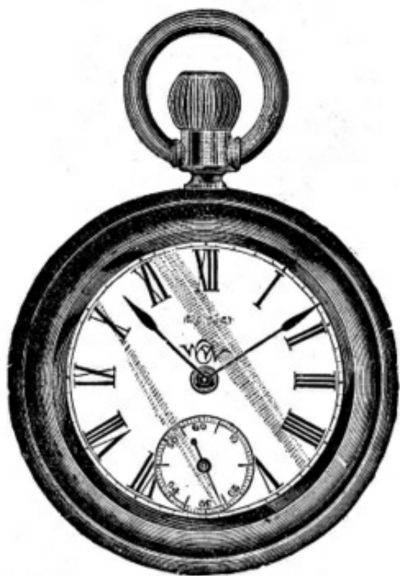

Михайлов Михаил

Таймер

16+

Михаил Александрович Михайлов

Таймер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55319982

SelfPub; 2020

Аннотация

Ты просыпаешься в тюремной камере. Ничего удивительного, ведь тебя осудили. Но почему охранник не разносит еду? Почему не слышно вообще никаких звуков? Ты напуган и еще не подозреваешь, что вокруг тебя совсем не тюрьма...

Где-то с упрямым постоянством капала вода. Этот звук пробивался сквозь кожу, пронизывая насквозь. Уже начинало казаться, что капли падают в каждой отдельной клетке тела.

Водопад... водопад из боли и отчаяния. Он провел рукой по каменному полу камеры, шероховатость и холод немного вернули его к действительности.

– Эй, ты в порядке?

Джеймс вздрогнул и поднял голову: у решетки стоял охранник.

– Да, да, все нормально.

Охранник хмыкнул и ушел. Он не хуже узника знал, что точно не все в порядке.

Поднявшись с пола, заключенный А375 ощутил сильную, пронзающую боль во всех суставах. Почему-то вспомнился Барри, соседский мальчик из его детства. Он как-то исподтишка ткнул Джеймса иголкой в руку за то, что он не захотел поделиться с ним машинкой. Теперь ему казалось, что он весь облеплен такими вот Барри, уменьшенными в сотню раз. Казалось, они ползали по всему его телу. У каждого была только одна задача: пронзить его, доставить нестерпимую боль, а потом отвести руку назад и повторить процесс снова, желательно ещё сильнее и глубже вонзая иглу. Он сделал усилие и встал.

Прошло уже 2 года с тех пор, как он попал сюда, однако так и не смог привыкнуть к здешней обстановке и ужасной

койке. Но имел ли он право жаловаться? Мог ли он жалеть себя, когда там остался его сын... , остался совершенно один. Ноги подкосились, и он опять осел на равнодушный пол, как мешок трухи. В соседней камере слышались шаги.

– Ты там живой?

Голос принадлежал португалцу, с которым они успели подружиться насколько это возможно, почти не видя друг друга и находясь в тюрьме.

– Просто голова закружилась, – прошептал Джеймс. Слова получились глухими и не внятными... Если бы не португалец, он точно сошел бы с ума.

– Не беспокойся обо мне, тебя завтра выпускают, тебе лучше никогда не вспоминать, что ты здесь видел... И меня. – Сказал Джеймс

– Да брось, я уверен, ты вернешься к своему парнишке, он ждет тебя.

Ждет? А ждет ли? Джеймс всегда пытался отталкивать такие вопросы, но с каждым днем это удавалось все сложнее и сложнее. Ему даже не дали попрощаться с сыном, сказали, что Джеймс опасен. Опасен? Но не для моего же сына! Он самое дорогое, что есть у меня... все, что есть. Я слышал, что сейчас он в каком-то интернате. Думаю, он спрашивал про меня, но что они ему сказали?

Надо спать, если удастся... Просто спать. Он лег на койку, которая, скрипнув, смирилась с очередной ношей. Мысли путались и переплетались, но вскоре Джеймс погрузился

в поверхностный, беспокойный сон. Его разбудил голос, который он слышал сотни раз. Ещё не открыв глаза, он с беспокойством подумал, что голос как-то изменился...

Перестал быть глухим.

Он встал. Перед ним за решеткой стоял человек, с которым они столько обговорили за эти годы, но не виделись ни разу. Он единственный поддерживал его. Это был достаточно высокий худощавый мужчина лет сорока, на руках у него были наручники, а позади стоял охранник.

– Вот и все, – сказал португалец, это мой последний день тут.

– Давай быстрее, хватит трепаться! – рявкнул охранник.

Вдруг Кросс – так завали португальца – протянул что-то сквозь прутья решетки.

Он что, обезумел? Нельзя ничего передавать! Если охранник заметит это, Джеймса могут заставить гнить здесь еще десяток лет! Но охранник, казалось, будто застыл, а лицо сделалось восковым. Джеймс протянул руку и взял предмет. Это был медальон на цепочке. Кросс придвинулся вплотную к решетке:

– Эту вещицу мне прислал кто-то по почте недавно, не знаю, что это, но выглядит красиво. По какой-то причине её никто не видит, и в ней есть какая-то сила, что ли... Мне эта штука уже ни к чему, а тебя, может, развлечет.

Джеймс зажал подарок в кулаке и прошептал:

– Спасибо.

Охранник, словно проснувшись ото сна, резко дернул Кросса от решетки:

– Вы ещё поцелуйтесь, сучки! Давай быстро на выход!

У Джеймса был тюремных распорядок, по которому, выходя на прогулку, он никогда не встречался с теми, кто сидел в соседних камерах. Поэтому, португальца он увидел только после того, как срок Кросса закончился.

Он провожал взглядом уходившего сокамерника, сокамерника, который стал ему другом.

Джеймс подошел к окну, а точнее к его жалкому подобию, и прислонившись спиной к стене, стал медленно сползать на пол. Вот он и остался один, абсолютно один.

Джеймс поднес руку с зажатым в ней медальоном и рассмотрел его. Медальон походил на круг из какого-то очень гладкого металла, невзрачного сероватого цвета, а посередине, будто мастер оправдывался перед самим собой за нелепую оправу, красовался камень. Он был фиолетового цвета. Но если долго смотреть на камень, то начинало казаться, что в его глубине медленными завихрениями плывет зеленый туман, и это зрелище завораживало.

Ему сразу вспомнился александрит, с которым его дядя не расставался в пору юности Джеймса. Позолоченный браслет с прекрасным камнем был подарком жены. Дядя неумоимо хвастался и показывал всем, как этот камень меняет цвет: при дневном освещении он был изумрудный, а искусствен-

ное освещение превращало его в красно-бордовый. Но тут было что-то иное.

Джеймс провел пальцем по матовой поверхности камня и, тихо вскрикнув, выронил медальон. Тот с легким звяканьем покатился к решетке и закрутившись вокруг своей оси, лег набок.

Цепочка нисколько не помешала и не затормозила его движение. Джеймс старался унять дрожь в руках, он увидел лицо... Нет... Лица! Множество совершенно незнакомых лиц промелькнуло в том камне, они были настолько реальными и... Всех их объединяло одно... Это были не люди. Он провел дрожащей рукой по онемевшему лицу. Ещё и часа не прошло, как он тут один, а у него уже галлюцинации. Да, нервы стали ни к черту, но не настолько же!

Джеймс решил больше к камню не прикасаться. Он надеялся, что, когда придет разносчик пищи, то увидит сверкающий медальон у решетки и заберет его, как нарушающий правила тюрьмы. А Джеймс? А что он? Он ничего не видел и не знает.

Но ни в этот день, ни на следующий, никто на медальон внимания не обращал. Весь персонал тюрьмы просто проходил мимо его камеры.

Если раньше сон Джеймса был беспокоен, то теперь он пропал совсем. Джеймс смотрел, не отрываясь, на медальон и замечал, как тот иногда начинает бликовать, хотя свет на него не падал. Невозможно было поверить, что медальон до

сих пор никто не обнаружил. Переливаясь, он лежал на том же месте, как будто не прошли дни, как будто он упал туда только сейчас. Страх уже давно не было, но что-то подсознательное постоянно советовало держаться от камня по-дальше.

Пересилив себя Джеймс встал и медленно подошел к нему, он почти ненавидел себя за то, что испытывал... Нет, не страх, а какую-то неприятную, очень неприятную тревогу рядом с этим камнем. Наклонившись, он протянул руку и медленно, будто боясь обжечься, прикоснулся к нему. Ничего не произошло. А чего он так боится? Рывком, наперекор своим страхам, он надел его себе на шею. Либо страх будет уничтожен сейчас, либо никогда. Это как обучение плаванию, когда тебя выкидывают за борт лодки и отплывают — либо плыви, либо тони. Он плыл.

Какое-то странно успокаивающее ощущение разлилось по его телу. Он подошел к койке и сел. Через 8 минут должны принести ужин или обед. Неважно. Джеймс пытался найти объяснение тому что до сих пор медальон никто не заметил, но бросив эту затею просто свыкся с тем, что по какой-то причине видит медальон только он.

В последующие дни Джеймс стал носить медальон постоянно, а попробовав однажды снять, обнаружил, что жизнь будто утекает из него. Надев камень обратно на шею, он опять ощущал прилив сил. В какой-то степени этот медальон уменьшал боль и страдания, но даже он не в силах был пол-

ностью их уничтожить. По-прежнему Джеймс хотел быстрее вернуться к сыну и забыть все, что произошло. Но сны – то пространство, над которым камень не властвовал, по-прежнему они раскаленным железом возвращали его в тот день снова и снова.

Нося медальон на груди, он старался не смотреть на него и не касаться. Джеймсу хватало того, что тот действовал как морфин, уменьшая боль, но при этом, не затуманивал разум... Или все-таки туман был? Сколько дней прошло с тех пор, как он его надел? Редкие прогулки по внутреннему двору тюрьмы и бесконечные дни в камере, слились в один тусклый блик света в его сознании.

Джеймс вздрогнул, в его голову проник странный чужой голос... Нет – это его голос! Он просто сказал что-то вслух. Не узнать собственный голос, когда говоришь, и не заметить, что ты вообще говоришь? А так ли он безобиден для разума, этот амулет? Джеймс сел на кровать и взял в руки камень в оправе. Тот, как и раньше, начал менять цвета. Джеймс сидел и заморожено смотрел на эти завихрения. Разум словно растворялся в них, а вместе с ним растворялась и воля. Его личность будто была заперта в клетке, а тело разуму уже не принадлежало.

И вот снова из глубин камня появились лица, как в прошлый раз, но тогда это наступило настолько неожиданно, что Джеймс отбросил камень в сторону – теперь же он не мог пошевелить и пальцем. Его собственные глаза, которые могли

смотреть только в одну точку, стали лишь окнами для него самого. Тело ему больше не подчинялось. Лица в камне менялись то быстрее, то медленнее, иногда они были очень похожи на человеческие, только сильно размытые. Тут его тело начало заваливаться набок. Джеймс почувствовал себя как в рушащемся здании. Он был заперт в собственном теле, не в силах пошевелить даже пальцем. Когда он упал на пол, наступила темнота, и он сам, казалось, перестал существовать.

Джеймс с трудом поднял веки, сколько прошло времени? Теперь к галлюцинациям добавились и обмороки... Он огляделся – это была все та же камера. Пошевелив руками и ногами, мужчина с радостью осознал, что тело снова в его распоряжении. Медальон висел на прежнем месте, но... Джеймс как будто перестал его чувствовать. Раньше, даже если медальон не находился у него на шее, он все равно чувствовал его присутствие, а теперь нет. Мужчина осторожно взял камень и поднес его к глазам, ничего не произошло: ни завихрений, ни лиц – ничего. Заключенный отпустил медальон и поднялся с холодного пола. Сев на кровать, он попытался вспомнить что произошло.

Он не мог сказать, сколько времени провел смотря в одну точку но его пробудило бурчание в животе. Странно, уже пора бы появиться разносчику. Ждать пришлось долго, но так ничего и не произошло. Встав, он подошел к решетке. Просунув голову между прутьев, насколько смог, он что есть

мочи закричал, зовя охрану.

Ему, конечно, влетит за нарушение тишины, но есть хотелось уже слишком сильно, чтобы он мог думать о побоях. Ничего. Ни ответа, ни шагов. Была абсолютная тишина. Он крикнул ещё раз и продолжал звать, пока не осип. Да что же это такое? Куда все подевались?

Прошло два дня. Ни воды, ни еды. Кто-то просто решил сгноить его в камере. Но зачем? Что это им даст?

Сил почти не осталось, но он продолжал звать на помощь. Позже, обессилев, Джеймс просто лег на холодный пол камеры и продолжал кричать. Он тратил на это последние силы, и убеждал себя, что его услышат, ведь это был единственный шанс выжить.

Он не знал точно сколько прошло времени, но открыв глаза, почувствовал, что если ничего не изменится, то эти сутки будут для него последними. Организм был уже слишком истощен. Амулет иногда пульсировал, и Джеймсу казалось, что он начинал чувствовать себя немного лучше, но потом тот замирал, и тяжесть снова наваливалась на плечи, а горло саднило от криков.

Вскоре послышались странные звуки: будто кто-то клацает железом о железо. Стараясь не думать о том, что это может быть просто игра воображения, он с трудом поднял голову и закричал, вкладывая в этот крик все свои силы. Сквозь красную пелену, застилающую ему глаза, он увидел, чьи-то

ботинки.

– Воды... – больше прохрипел, чем произнес Джеймс, и провалился в забытье.

Глава 2

Джеймс очнулся в больничной палате. Осмотревшись, он не заметил ничего особенного, обычная больница, только вот на окнах были железные решетки. Джеймс подумал, что это вполне логично для больницы, которая находится на территории тюрьмы. Главное, что его спасли, но почему черт возьми ему пришлось лежать на полу и умирать несколько дней? Прервав поток мыслей, в комнату вошла медсестра.

– Здравствуйте! – Звонко произнесла она.

– Где...

– Подождите, подождите, я знаю, что вы были без сознания и вам хочется узнать, как вы сюда попали, но я лишь медсестра, и пришла поменять вам капельницу. Подойдя ближе, женщина стала менять пакет с раствором. Закончив с этим, она снова взглянула в измученное и ничего не понимающее лицо Джеймса и смягчилась.

– Могу лишь сказать, что вас доставили вчера утром с сильным обезвоживанием, а находитесь вы в психиатрической клинике доктора Ричарда.

– В психушке? Но почему? – Джеймс старался сдерживать тревогу в голосе, но ничего не вышло.

Выражение ее лица сразу стало жестким.

– Мы предпочитаем называть это место клиникой доктора Ричарда, и не иначе.

Если бы ее взгляд имел вес, Джеймс не сомневался, его бы раздавило.

– Ладно, ладно как хо... – тут горло у него свело, и договорить уже было невозможно. Только сейчас он понял, что по-прежнему хочет пить! Он столько времени боролся с этим желанием, что почти перестал замечать его.

– Пить... – попытался сказать он, но не вышло даже шепота, только свист воздуха, вырывающийся из глотки.

– Вам, наверно, хочется пить, – смягчилась сестра.

Да, да! Она, наверно, не такая уж бесчувственная тварь, как ему показалось вначале, она все поняла и сейчас принесет ему большой стакан прохладной газировки, которая разольется внутри него прохладной рекой, и он будет пить... Пить...

– Но вам сейчас нельзя много пить у вас серьез....

Нет, все-таки она тварь. Нравится им тут издеваться над людьми? Или она решила наказать его за то, что он неправильно назвал это пристанище психов? Дальше он уже ее не слушал.

Заметив, что пациент больше не обращает на неё внимания, женщина, хмыкнув, вышла из палаты. У неё есть и по важнее дела, чем объяснять что-то этому... да она даже не знает, откуда его доставили.

Джеймс несколько раз засыпал и снова просыпался, успевая лишь заметить, как в палату заходят белые тени, а их сменяют другие, потом опять проваливался в забытие. Видимо, действовало снотворное.

В очередной раз проснувшись, лежа на боку в какой-то неестественной позе, он услышал рядом шелест бумаги. Не без труда перевернувшись на другой бок, Джеймс увидел сидящего рядом мужчину лет сорока в белом халате, на груди которого был прикреплен бейдж «Доктор Ричард». Это был тучный, седой мужчина, на лице которого блуждало спокойное, и одновременно с тем скучающее выражение, как у всех психиатров.

Заметив, что пациент проснулся, доктор заговорил медленно, чуть лениво растягивая слова:

– Здравствуйте. К сожалению, я не знаю, как вас зовут, и кто вы. Вы помните, как сюда попали?

Джеймс, откашлявшись, попробовал что-то сказать, но голос по-прежнему его не слушался.

– Ладно-ладно, не напрягайтесь пока, мы давали вам сильное снотворное, но даже оно не смогло успокоить вас, вы постоянно просыпались и вели себя крайне... Эээ... Бурно...

Только теперь Джеймс заметил, что ноги и руки прикованы к кровати резиновыми ремнями, но неплотно, оставляя ему возможность поворачиваться.

– Но это для нашего учреждения вполне нормально, –

продолжил он тем же тоном и ухмыльнулся.

–Давайте я вам расскажу, как вас сюда привезли.

Несколько дней назад в закрытый лагерь для сложных детей, что в девятнадцати километрах от нашей больницы, приехал электрик для починки кабеля, ведущего от трансформаторной будки к главному зданию. Сама будка находится за пределами лагеря в заброшенном корпусе бывшей тюрьмы.

Бывшей? Бывшей тюрьмы? Лагерь? Да что он вообще несет.

Не слыша свиста вьюги, сотканной из мыслей Джеймса, доктор продолжал:

– Устраняя неполадки, электрик услышал глухой крик из этого здания, о чем и сообщил начальнику лагеря. Все были уверены, что ремонтнику показалось, потому что это здание уже семь лет не используется, но решено было проверить. Там вас и нашли. В камере. Как вы туда попали, кстати?

Он посмотрел на Джеймса и, не дожидаясь ответа, продолжил:

– Камера была заперта, как и все камеры, которые там были. Ключей ни у кого не оказалось, и пришлось воспользоваться услугами того же электрика, чтобы извлечь вас оттуда.

Он сделал паузу и посмотрев внимательно в лицо пациента продолжил:

– После чего дежурный врач в лагере констатировал сильнейшее обезвоживание, и было решено направить вас в бли-

жайшее медицинское заведение. Мы не нашли у вас никаких документов, а ваши отпечатки сейчас проверяются. Я не знаю, как вы попали в то здание, и как получилось, что вы столько времени провели там.

Врач встал.

– Ну да ладно, не буду вас перегружать информацией. Уверен, как только почувствуете себя лучше, вы сможете нам все объяснить.

Объяснить...

Что? Пока что сам Джеймс ничего не понимал. Он помнил тот огненный песок, который лился рекой через горло, помнил, как огромные куски раскаленной стали перекатывались внутри живота, проверяя его на прочность, ища выход. Он помнил и последний крик, крик на грани безумия. Приказ издать его уже отдавал не разум, а инстинкты. Помнил... Но как он попал в камеру, которая не использовалась... Сколько этот врач сказал? Семь лет? Ну, теперь остается только ждать, когда придут отпечатки пальцев, а потом они узнают, кто он и что сделал... А после недолгого лечения его отправят обратно – за решетку.

Прошел день. К нему в комнату периодически приходили медсестры и меняли капельницу, давали какие-то пилюли, предлагая запить до смешного малым количеством воды. Говорили, что при обезвоживании много пить нельзя. Да что они знают! Чувствовали ли они когда-нибудь, как сгорает горло изнутри, а ты ничего не можешь сделать.... Даже кри-

чать. Джемс предпочитал ничего не говорить. Поначалу просто не мог, а сейчас решил, что болтать незачем. Он отлично понимает, что сразу отправится обратно в тюрьму. Время тянулось как жвачка, нагреваемая июльским солнцем.

Однажды вечером дверь скрипнула.

– Добрый вечер!

Это был доктор Ричард. Врач медленно подошел к койке и сел на стул.

– В рапорте, который мы получили по нашим каналам, говорится, что такого человека, как вы, нет.

Нет? – Оказалось все еще только начинается ... Что значит нет?

– Мы запросили медицинские и другие учреждения, но нигде о вас нет никакой информации. Чтобы не поднимать шумиху, мы это, конечно, тоже делали через свои каналы. Вы ведь понимаете, что может начаться, если журналисты узнают, что у нас появился человек, которого нет ни в одной базе.

Я знаю, что вы все это время молчали, но сейчас, я думаю, самое время заговорить. Вы ведь умеете говорить, так?

– Да. – еле слышно прохрипел человек на койке и тут же зашелся кашлем.

– Я понимаю, что это нелегко, но вы должны рассказать, что произошло.

Должен рассказать. Он что, издевается? Он и правда ду-

мает, что этой небылице про то, что его нет ни в одной базе, хоть кто-то поверит? Нет, он не скажет ничего. Ничего существенного.

– Извините, – голос окреп ровно настолько, чтоб можно было шептать без кашля. – но я ничего не помню.

– Как вас зовут, вы помните?

– Джеймс. – хрипло произнес он.

– Итак, Джеймс, а фамилия?

– Ройен.

– Джеймс Ройен. – врач взял ручку и что-то записал в блокноте. – Что вы помните о последних событиях?

– Я... Я уже сказал, ничего, и не только о последних, я вообще ничего не помню.

Ах, сколько бы он отдал, чтобы не помнить ничего...

– Совсем? – брови доктора взлетели ко лбу.

– Да, – Джеймс попытался изобразить ужас и удивление.

После того, что он вынес в камере, это удалось неплохо.

– Ясно. Я думал, у нас будет другой разговор и все наконец-то выяснится, но, видимо, нет. Ладно, сейчас отдохайте, а завтра к вам зайдет психолог для беседы, может, вам удастся хоть что-нибудь вспомнить. Он со вздохом поднялся и вышел из комнаты, погасив свет.

Тишина окутала все вокруг, не понятно, почему в психушке так тихо... Может от того, что буйные в другом отсеке. Он посмотрел на свои привязанные руки. Как-то сразу навалилась усталость. Джеймс закрыл глаза и сразу провалился

В СОН.

На следующее утро его разбудила какая-то новая медсестра. Почувствовав приятный запах ее духов ещё там, во сне, он понял, что она другая, и ей нужно что-то кроме его капельницы, или расписания приема лекарств. Открыв глаза, он увидел симпатичную девушку лет тридцати в белом халате и с большой синей папкой в руках.

– О, вижу, вы проснулись!

Голос приятный, да и вообще впечатление она производила хорошее. Высокая, с красивыми чертами лица, она выбивалась из всех, кого он тут видел.

– Здравствуйте. – просипев, ответил лежащий на кушетке пациент.

– Меня зовут Лиа Шоан, я психотерапевт. Слышала от доктора Ричарда, что у вас проблемы с памятью?

– Да. Я не ничего помню... Вообще.

– Ладно, мы попытаемся это исправить. Сейчас я буду задавать вам вопросы, а вы выбирайте вариант ответа. Хорошо?

– Да.

Дальше она начала зачитывать вопросы, некоторые из которых были, по меньшей мере, странными, вроде: «Если вы увидите старую женщину, кормящую голубей, что придет сам первым на ум?».

Далее были не менее странные варианты ответов. На се-

редине теста он так устал, что просто закрыл глаза и отвечал из-под опущенных век. Уже давно надо было сказать, что он очень хочет спать или ещё что-нибудь, чтоб этот глупый тест завершился, но она... Она все сглаживала своим голосом, и даже шуршание её белого халата звучало приятно.

– Хорошо, мы закончили. Я найду к вам позже, если вы не против, а пока отдыхайте.

Когда она выходила, в палату пришла медсестра с новым раствором для капельницы. После доктора Лии, она была будто черно-белой.

Шли дни. На совещании было решено оставить поступившего пациента с амнезией на более длительный срок в больнице. Было также решено предоставить ему время для прогулок в парке на территории, конечно, под присмотром. Этим займется психотерапевт Лиа Шоан, которая сама предложила свою кандидатуру.

Глава 3

Она шла из супермаркета к машине. Утро было серое, и мелко капал дождь. Пакет в руке неприятно тянул к земле. Открыв багажник и поставив пакеты она села за руль. Закрыв дверь, она ещё долго не заводила мотор, смотря на лобовое стекло, и на то, как по нему, соревнуясь, стекают капли. Раньше она их не замечала. Что-то изменилось, и это что-то произошло в тот момент, когда она несколько недель на-

зад зашла в палату к неизвестному пациенту. Как-то её остановил в коридоре знакомый психиатр и спросил, охота ли ей возиться с этим безымянным парнем? Может, лучше его просто передать в другое учреждение? Тут, в конце концов, психиатрическая лечебница, а не ночлежка. Тогда она ответила, что этот случай она хочет описать в своей научной работе. Она соврала. Нет, научную работу она и в правду писала, но настоящая причина была не в этом.

Повернув ключ зажигания, она завела мотор. Вчера было решено, что Джеймс достаточно окреп и в достаточной мере стабилен психически. Лиа договорилась, чтобы ей разрешили свозить его в тот лагерь, где он был обнаружен. Она посмотрела на часы, надо поторопиться, если она хочет успеть, ей очень хотелось надеяться, что хоть что-то прояснится в его памяти. И, может, что-то прояснится для неё... Почему-то ее тянуло к этому человеку.

За окном машины не было ничего из ряда вон выходящего, но Джеймс, прислонившись к нему лбом, вглядывался во всё, что видел. Это был реальный мир, мир, где большинство людей никогда не окажется в такой ситуации, когда их будут вытаскивать из камеры, где никого быть не должно. Но теперь есть шанс всё выяснить и будь что будет.

Рядом с ним сидел амбал в белом халате, и было похоже, что он его никогда не снимал. На амбале настояла комиссия, хоть Лиа и говорила, что Джеймс не буйный, но кто может

быть уверен в человеке, которого нет ни в одной базе данных?

К окну его пустили только потому, что изнутри дверь машины было не открыть. У Джеймса затекло тело, видимо, сказывалась общая слабость и непривычная поза после долгого пребывания в больнице. Чтобы как-то размяться, он попытался сесть немного по-другому. Амбал, заметивший движение, резко придавил его рукой, толщиной с бревно к сиденью. Водитель обернулся и, перекрикивая шум мотора старой машины, произнес:

– Сэр, вы там поаккуратней, а то Рон у нас очень нервный.

Рон, так, видимо, звали амбала, ослабился, судя по всему, принимая эту фразу как похвалу.

– И не просто так, скажу я вам. Может вы и не буйный, но вот многие, кого мне и Рону приходилось здесь возить, похвастать этим не могли.

Всё время, что он говорил, рука Рона продолжала придавливать Джеймса к сиденью, он даже нашел в этом плюсы – перестало шатать на ухабах.

– Вот, например, – продолжал водитель, – везли мы на той неделе на вид степенного мужичка в очках на встречу с родными. Комиссия решила, что 3 года проведенных в нашем милом учреждении, вылечили его, хотя даже не знаю, чем он там был болен... Да не важно, едем мы, значит, едем, а тот спокойно смотрит в окно, вот прям как вы.

Водитель откашлялся и продолжил: так вот, смотрит он,

смотрит, я тогда не понял, что он там увидел, но тот вдруг начинает с дикими воплями биться лицом об стекло. Да-да, не лбом там, или ещё чем, а прямо лицом. Окна у нас, слава богу, противоударные. Так вот, Рон его начинает оттаскивать, поворачивает к себе лицом, а у того очки разбиты, осколки из кожи торчат, нос сломан, месиво в общем. Еле укол сделали и повезли обратно. Привезли мы его, значит, умыли и обнаружили в глазу кусок бритвы.

Уж не знаю, где он её взял, а в больнице объяснил, что когда увидел закусочную из окна, мимо которой мы проезжали, голос сказал ему засунуть, значит, этот кусок под веко, и, мол, это его очистит от греха. Вот он и бился, стараясь загнать эту железку поглубже, так и не смогли выяснить, где он взял тот кусок, а ведь выписывать собирались. – Водитель перевел дух.

– Так что, вы не сердчайте на Рона, не надо, просто сидите лучше спокойно, пока не приедем.

Лиа, сидевшая рядом с водителем, сказала недовольно:

– Так, хватит ваших историй! У мистера Джеймса и так память пропала, а вы еще тут со своими байками.

Водитель хмыкнул, но перечить не стал.

Джеймс в свою очередь решил, что совет водителя лучше принять и больше старался не двигаться до самого места назначения.

Микки смотрел в окно, это было одно из его любимых занятий. Он, конечно, любил и на горках кататься, и мороженое лопать пачками, ох как любил. Но тут, в тюрьме, пришлось искать развлечения подоступней. Мимо прошел мужчина, сверля взглядом спину паренька, и остановился, видимо, пытаясь понять, не выкинет ли тот что-нибудь неправомерное, но, решив, что всё в порядке, продолжил обход. Надзиратели, и вообще весь персонал не любили, когда кто-то из их подопечных называл это место тюрьмой. Но все равно между собой парни называли его именно так.

Да, им разрешалось ходить в отведенных для прогулок местах, но ощущение постоянного надзора никогда никого тут не покидало.

Микки вырос в семье, где были и мама и папа. Правда, «семья» в данном случае, была как красивая обертка для собачьего дерьма – пока смотришь издали, вроде все нормально, но стоит копнуть поглубже... Вся беда в том, что никто копать глубже не хотел. Отец постоянно пил, а мать приводила домой мужиков, которые менялись, менялись, менялись.... Отец в это время обычно валялся на полу и сладко спал в луже собственных испражнений, а если вдруг заставал мать с новым ухажером и был не настолько пьян как обычно, начиналась драка и крики.

Крики... сначала Мик старался просто не слушать, потом привык спать с наушниками и максимальной громкостью.

Если было тепло, то спал на улице у реки, что протекала по окраине города. Там было так красиво. Иногда туда приходили мамы с детьми, пускали кораблики или воздушных змеев. В такие моменты Мику казалось, что произошла ошибка, и ему кто-то выдал не родителей, а психопатов.

Он мечтал, что вот, однажды, во время очередного погрома, дверь откроется и в комнату войдет его настоящий отец, с дробовиком в руке и здоровенной сигарой во рту. Микки прямо видел удивленные лица своих недородителей, когда его настоящий отец медленно поднимает ствол и целится им прямо в лицо. Спуск – и ошметки полотна, на котором только что было удивление, разлетаются по полу и стенам. Микки выходит на шум и видит Его. Настоящий Отец берет его за руку и ведет к этой речке.

Они идут вдоль берега, в руке вместо оружия у отца воздушный змей, и теплая улыбка вместо крепко сжатых губ.

Но мечтам сбыться было не суждено. Он жаловался в школе на родителей, и к ним приходила проверка, но каждый раз эти двое как-то узнавали о визите. Все было вымыто, и все улыбались. Ну да, они живут небогато, но для Микки не жалуют, конечно, ничего. А вот то что он жалуется, ну вы же знаете этих мальчишек, в его возрасте чего только не придумают. Хотите чаю?

В очередную такую встречу Микки не выдержал и убежал из дома, прямо при проверяющих. Прямая, наглая ложь этих двоих, была даже хуже того, что тут творилось обычно. Нет,

убегал он, не в первый раз, но теперь он не пошел к своему обычному «убежищу», где переждал семейный шторм. Он направился к Джерри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.